

А. Д. ГРАДОВСКИЙ

Об общественном мнении

Во все эпохи, когда России приходилось принимать участие в важных европейских делах, заграничная печать усердно занималась искажением понятий о внутренних делах нашего отечества. Недавно речь была о том, что Россия миролюбива, так сказать, против своей воли и в силу своей слабости. Теперь бесполезно остановиться на другой «мысли», также развиваемой иными иностранными газетами. Мысль эту можно выразить в немногих словах. За границу беспрерывно получают известия о единодушном взрыве русского общественного мнения в пользу славян: туда доходят слухи о наших пожертвованиях, о наших санитарных отрядах и т. д. И вот, на утешение себе и на прискорбие нам, иностранная печать заявляет, что общественное мнение *в России не имеет никакого значения.*

На эту тему варьируют всевозможные заграничные издания. Полезно ли оставлять европейское общественное мнение в заблуждении? Мы переживаем такую важную эпоху, что всякие недоразумения могут иметь плачевные последствия. Их нужно устранять по возможности.

Что значит эта фраза: русское общественное мнение не имеет никакого значения? Органы европейской печати, вероятно, хотят сказать этим, что мнение русского общества не имеет никакого юридического значения для правительства. Это будет верно. Правительство наше не имеет пред собою народного представительства, контролирующего его политику, вотирующего бюджет, смещающего министров и т. д. Правительству предоставлена пол-

ная свобода действий. Мнение общества, в юридическом смысле, для него необязательно.

Но юридическая сторона дела в политике не есть все. В Англии общественное мнение по праву имеет огромное значение; министры ответственны пред палатами; кабинет составляется из людей, располагающих большинством в парламенте. На деле мы видим, что г. Дизраэли¹, в противность общественному мнению (если считать общественным мнением мнения лучших и честнейших людей), поддерживает Турцию и покрывает зверства мусульманских орд. Англия довольствуется формальным внешним согласием своего министра с большинством палаты, которое, кажется, вовсе не выражает действительная настроения английского общества. Но есть ли согласие внутреннее?

Об этом внутреннем согласии мы и желаем поговорить. Доказывая, что общественное мнение в России не имеет никакого значения, хотят ли этим сказать, что правительство никогда не прислушивается к народному голосу, живет своими интересами, составляет особый мир, не имеющий ничего общего с страной? Допустить вероятность такого предположения значит допустить множество печальных и нелепых выводов. Какими же, спрашивается, мотивами руководится правительство в своих политических действиях? Где его точка опоры? Если не внутри страны, то, стало быть, вне; если оно не принимает в расчет голоса своей страны, то оно руководствуется или собственною мыслью, отрешенною от стремлений общества, или желанием других держав.

Вот к какому чудовищному выводу следуешь прийти, если поварить на слово заграничным публицистам! Стало быть, крестьянская реформа, земские учреждения, новые суды и т. д. отвечали не насущным потребностям русского общества, а каким-то отвлеченным стремлениям и желанию понравиться Европе? Стало быть, при изменившемся настроении правительственных сфер может быть восстановлено крепостное право, могут быть уничтожены новые суды, закрыты земские учреждения и т. д.? Россия, стало быть — *tabula rasa*², по которой досужий резец может чертить все, что ему угодно...

Лестная картина! лестная и приятная, особенно в ту минуту, когда России приходится участвовать в разрешены величайшего из современных вопросов, когда ей одной предстоит защищать своих единоплеменников и единоверцев!

Взвесим всю силу этих слов. В ту минуту, когда честь России обязывает ее совершить свое историческое призвание, заграничная печать рассуждает, что Русские правительство и народ не солидарны между собою по славянскому вопросу! Пусть крестьянин отдает последний грош свой, пусть славянские комитеты будут завалены пожертвованиями, пусть пламенные статьи русской печати служат отзвуком общественного настроения — все это вздор. Но позволяем себе спросить заграничную печать, как объяснит она слова известной декларации нашего правительства (16 октября 1875 года): «Сочувствия России к славянам не могут быть принесены в жертву никаким европейским союзам»?

Откуда взялись эти слова? Какие побуждения продиктовали их? Для кого были они написаны?

Русское правительство не произнесло бы их, не сознавая своей солидарности с русским обществом, горячо уже высказавшимся за права восставших славян. Конечно, не иностранные симпатии подсказали их! Затем, они были написаны как для Европы, так и для России, ради удостоверения русского общественного мнения, что правительство честно исполнит лежащую на нем задачу.

Подобное внимательное отношение к русскому мнению — не новость для нашего правительства. Та же заграничная печать, по странному противоречию, ставит в заслугу нашему канцлеру, что он первый понял значение общественного мнения, что он выдвинул его, как действительную силу, в 1863 г., что он оперся на него, как на самый верный фундамент. Этой заслуги нашего канцлера отрицать нельзя — она у всех на глазах и в памяти. Но и раньше того народный голос делал свое дело. Пусть проследят все великие эпохи нашей истории — и убедятся, что сила России заключалась именно в единении, тесном союзе правительства и народа, в согласии, которое теперь желают отрицать.

Общественное мнение у нас не есть нормальный постоянный элемент управления с своими органами, правами и т. д. Вследствие этого, по частным вопросам администрации, при издании отдельных законов, можно иногда указать на несходство стремлений общества и намерений правительства. Но такое несходство бывает и в других странах с конституционными формами. Разве закон о «вольных университетах» не издан в противность общественному мнению Франции? Разве победа клерикальной партии, провалившейся в сенате предложение Ваддингтона³, вызвала всенародную радость?

Так вопросов ставить нельзя. Речь идет не о том, поскольку русское общественное мнение постоянно и неотразимо направляет правительство, а о том — можно ли отвергать его значение в ту минуту, когда разрешаются мировые вопросы, когда речь идет о сохранении русской чести, о спасении родственного нам народа, о таком деле, где посрамление народных стремлений отразится на достоинстве правительства, где поражение правительства низведет народ наш на степень племен отверженных?

Вот в чем дело. Поймите, господа европейцы, что речь идет даже не о том, что вы привыкли называть «общественным мнением», т. е. мнением «сливок» общества, мнением «правлящих классов», а о народном го-ло-е, го-ло-се, где звучат одинаково чувства и «великого боярина», и скромного крестьянина. Речь идет о го-ло-се, выражающем думу всей земли русской, о го-ло-се, в котором уже не различишь «особенностей» разных партий, разных классов, тем более разных лиц. Голос этот — вся Россия и вся Россия в нем. И не одна современная Россия — о, нет! В этом взрыве слышится давно умолкнувший зов Москвы на борьбу с неверными, чудится благословение древних митрополитов наших, воспоминание о нами пережитом и свергнутом иге татарском. В нас говорит вся прошлая Россия и вся Россия будущая, т. е. веками созданное и сознание историческое призвание наше. И в такую-то минуту вы хотите оторвать правительство от его народа! Да разве это возможно?

Вряд ли даже вы думаете, что пишете правду. Но вам нужно, вам полезно умалить значение современного движения русского общества. Вам нужно потому же, почему вы на все лады доказываете, что Россия не может воевать и не пойдет на войну, какие бы оскорбления ей ни были сделаны. Нужно это для того, чтоб ободрить требования вашей дипломатии и лучше придушить славян. Но ваши разглагольствования о невольном миролюбии Росси наткнулись на неожиданный взрыв общественного мнения, да что я говорю общественного — на взрыв народного чувства. Как быть? Что, если правительство наше, стараясь выговорить законные льготы для славян и отвергая безумные требования Порты, пожелает опереться на громко выраженные стремления и желания русского народа? Вам нужно заранее приготовить такой ответ: «Знаем мы ваше общественное мнение! Оно не стоит мнения последнего из наших клубов. Указывая на него Европе,

вы хотите ввести ее в заблуждение. Оно поднялось по вашему знаку — по вашему же и успокоится».

Коротко говоря, вы хотите, чтоб физическая сила России — войско, и нравственная сила — народный голос, не были принимаемы в расчет при разрешении балканского вопроса. Вы хотите иметь дело с одним правительством. Завидное положение хотите вы ему приготовить! В ваших мечтах уже носится картина, как оно, немощное и отрешенное от своего народа, разыграет на «конгрессе» роль невольного и покорного «свидетеля», призванного единственно для соблюдения формы. Оно будет, по указанию действительных «контрагентов», рукоприкладывать под всеми актами, подписывать смертный приговор независимости Сербии и Черногории, укреплять Константинополь за Англией, расписываться в собственном унижении, которое будет и народным горем, потому что мы не привыкли отделять себя от правительства ни в славе, ни в несчастьи.

А общество, а народ наш? Оторванные от своего правительства, они должны будут, по картинному выражению одного публициста, разыгрывать роль беспомощной плакальщицы, сиделки над убитыми и изувеченными братьями.

Вот что заключается в этих немногих, но роковых словах: «общественное мнение в России ничего не значит». Вот картина, которую желалось бы видеть иным публицистам! Но этот расчет легко может оказаться столь же основательным, как и расчет на «радикальную» слабость России. Вряд ли возможно строить политически комбинации на таких соображениях. Легко ошибиться; а ошибка, в иных случаях, дает горькие плоды. Пусть Европа видит дело в настоящем свете — это необходимо в видах сохранения мира, если только Европа серьезно желает его сохранить.

